

В МИЛАНЕ

Почему тридцатилетний Леонардо отправился в Милан, объясняют его ранние биографы. Они утверждают, что в 1482 году он поехал играть на лютне при дворе Лодовико Сфорца. Инструмент, который он взял с собой и рисунки которого сохранились, был сделан из конского черепа и отделан серебром. Столь странная причуда была как раз в духе Леонардо: безобразное его привлекало; однако форма инструмента была выбрана не просто так: полость черепа давала хороший резонанс и усиливала звук. Среди других инструментов, сделанных по рисункам Леонардо, можно назвать колесный барабан, который, когда его толкали, отбивал ритм, автоматические молоток и колокольчик, издававший в определенные моменты чистый звук, и органную виолу с упругим смычком, используемую нищими так же, как в недавние еще времена использовалась шарманка. Его интерес к музыке, по всей видимости, не пошел дальше этого. В его бумагах сохранился лишь единственный фрагмент нотной записи, представляющий собой часть канона.

Настоящая же причина, по которой Леонардо покинул Флоренцию, уже называлась нами: он понял, что Лодовико Сфорца будет для него лучшим покровителем, чем Медичи. Чтобы расположить к себе Сфорца он написал ему письмо, в котором ничего не говорилось о музыке, а об искусстве упоминалось лишь вскользь. Предмет изложения был совершенно другим. Среди разнообразных талантов Леонардо, — возможно сравнение их с комплектом китайских шкатулок, когда самая большая скрывает в себе множество других, — и военный: он был военным экспертом и изобретателем оружия. «У меня есть [планы мостов](#), — писал он, — очень легких и прочных, весьма пригодных к переносу... Я нашел способы, как разрушить любую крепость или какое-либо другое укрепление, если, конечно, оно не построено на скале... У меня есть также чертежи для изготовления пушек очень удобных и легких в транспортировке, с помощью которых можно разбрасывать маленькие камни наподобие града... Я знаю, как добраться в определенное место через пещеры по секретным путям безо всякого шума, даже если для этого придется проходить узкими траншеями или под рекой... Я могу делать закрытые колесницы, безопасные и непреступные, которые со своей артиллерией врываются во вражеский строй, и ни один человек не сможет им противостоять... Я могу создать такую пушку, мортиру или другое артиллерийское орудие, что оно будет выгодно отличаться от тех, которые обычно используются... Я могу создать катапульту, баллисту или другую машину удивительной силы». Продолжая свое перечисление, Леонардо замечает, что он очень искусен в живописи и скульптуре и что может взяться за «коня», то есть за конную статую, план которой Сфорца в то время вынашивал. Все в этом письме тонко рассчитано. Режим Лодовико был весьма шатким — герцог узурпировал власть в Милане, и Леонардо был уверен, что он будет рад принять

создателя оружия. Однако оказалось, что герцог вовсе не заинтересовался военными изобретениями Леонардо. Можно только удивляться, как Леонардо с такими идеями все же выдвинулся при его дворе на первое место.

Во времена Возрождения для художников было совершенно естественно заниматься оружием: человек, способный нарисовать и отлить бронзовую статую, с тем же успехом мог отлить и пушку. Создание фортификационных сооружений было отраслью архитектуры, поэтому вместо дворцов и часовен архитектор мог с легкостью взяться за строительство башен и бастионов. И Джотто, и Микеланджело рисовали планы оборонительных сооружений Флоренции. Известно, что и Леонардо в своем бесконечном стремлении к знанию, которое составляло и его величие, и трагедию, изучал написанный в то время трактат Роберто Вальтурио «De Re Militari» («О военном деле»). Идеи Леонардо черпал из разных источников, переосмысливая и во многом дополняя чужие проекты. Его « [закрытые колесницы, безопасные и неприступные](#) », в примитивном виде появились еще в римские времена. Это были колесные конструкции, несшие тяжелые деревянные щиты и предназначавшиеся для взятия городских стен. Их назначением было прикрывать воинов, которые действовали тараном. Леонардо значительно развил идею, превратив колесницу в прикрытую панцирем вооруженную повозку, а по-современному танк, укомплектованный пушкой и управляемый изнутри восемью воинами, для чего ими использовались рычаги и приводы. Сомнительно, чтобы человеческие мускулы могли передвигать столь тяжелую машину на значительные расстояния, особенно по неровной и скользкой местности. По в атом, как и во многих других своих изобретениях, Леонардо был увлечен скорее идеей, нежели воплощением. Создав

[эскиз](#)

«

[танка](#)

», он немедленно взялся за разработку других идей, оставив на потом решение вопроса о движущей силе машины.

Из книг он почерпнул также идею колесницы, [снабженной косами](#) , и усовершенствовал ее, создав механизм, вращающий лезвия горизонтально. Он оставил нам леденящий душу рисунок этой колесницы в действии, но сделал пометку, что подобные колесницы принесут большой вред тем, кто их использует, нежели тем, против кого они направлены. Среди его артиллерийских орудий необычного типа следует назвать пушку с тридцатью шестью стволами, собранными в три яруса, по двенадцать в каждом: пока один ярус стреляет, другой охлаждается, а третий заряжается. В этой идее не было ничего невыполнимого.

[Многоствольная пушка](#)

стала предшественницей автоматического ружья и соответствующей ракетной установки. Леонардо сделал также эскиз корпуса снаряда, который взрывается при ударе, рассеивая вокруг куски металла. Если бы такие снаряды стали тогда производить, то имя Леонардо сделалось бы нарицательным. Человек, который извлек из этой идеи существенную пользу, жил в конце XVIII столетия, был британским офицером и носил имя Генри Шрапнель.

Расхваливая себя герцогу Сфорца в качестве военного эксперта, Леонардо интуитивно действовал с пользой для себя. Лодовико просто не удостоил своим вниманием его военные идеи. Имевший прозвище Моро (согласно одним объяснениям — за смуглый, как

у мавра, цвет кожи, согласно другим — за то, что одной из эмблем герцогов Сфорца было тутовое дерево — моро), Сфорца был хитрым и осторожным правителем, предпочитающим войне интригу. Он с подозрением относился ко всему новому, особенно если оно исходило от немиланцев; он всегда был предельно скрытен; он был умен, хотя многие люди не поверили бы этому. Моро нередко прикидывался туповатым — Леонардо довелось испытать это на себе.

Что же касается других качеств Сфорца, то он обладал набором пороков, обычным для деспота тех времен, за исключением разве того, что из своих родственников, по всей вероятности, убил всего лишь одного. Этим родственником был племянник Моро Джан Галеаццо Сфорца, обладавший гораздо большими правами на Милан: он был действительным наследником трона. Джан Галеаццо считался правителем Милана в то время, когда туда приехал Леонардо, однако ему было только двенадцать лет, к тому же у него было слабое здоровье. Моро, регент, полностью держал его в своих руках, даже после достижения им совершеннолетия. Джан умер от яда, который, как говорили, поднес ему дядюшка.

Милан славился тогда как сказочно богатый город. Текстиль был одним из источников его процветания, оружейные мастерские — другим. Плодородная равнина Ломбардии кормила город с населением сто тысяч жителей. Герцогский двор считался самым блистательным в Италии. Сфорца тратил огромные суммы на покупку драгоценных камней, устройство пышных зрелищ, содержание целой армии слуг, конюхов, поваров. Здесь пел великолепный хор фламандских певцов, при дворе нашли пристанище многие музыканты из Германии. Сюда стекались маги и астрологи; собственный астролог Лодовико, Амброджо да Росате, был столь знаменит, что к нему за составлением гороскопа обращался даже папа Иннокентий VIII. (Леонардо презирал суеверия, однако питал некоторый интерес к астрологии: в его заметках встречаются упоминания о расходах **«на предсказание будущего»**.) Нравственная атмосфера двора охарактеризована придворным историком Корио. «Отцы продавали здесь своих дочерей, братья — сестер, мужья — жен», — пишет он.

Рассчитывая на покровительство Лодовико, Леонардо прежде всего имел в виду его интерес к искусству. Но то не был интерес знатока: Сфорца, как и многие высочки, относился к искусству как к символу своего высокого положения. Миланские художники значительно уступали флорентийским, в здешней архитектуре тоже было мало интересного, за исключением древней, построенной в романском стиле церкви Святого Амброджио и готического собора, самого большого в Италии. Лодовико приглашал к своему двору разных художников и архитекторов, — среди них были Леонардо и архитектор Браманте, — однако он не знал, как использовать их знания и умение, и платил им до смешного мало.